

Гараев А. И.

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 59-62. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. **Маковский М. М.** Большой этимологический словарь современного английского языка. - М.: Издательство «Азбуковник», 2005. – 526 с.
4. **Флоренский П. А.** У водоразделов мыслей (черты конкретной метафизики): Соч. в 4-х тт. - М.: Мысль, 1999. - Т. 3(2). - 623 с.
5. **Флоренский П. А.** У водоразделов мыслей (черты конкретной метафизики): Соч. в 4-х тт. - М.: Мысль, 2000. - Т. 3(1). - 621 с.
6. **Chevalier J., Gheerbrant A.** Dictionnaire des symboles. - Paris: Editions Robert Laffont, S.A. et Editions Jupiter, 1982. - 1062 p.
7. **Lurker M.** Wörterbuch der Symbolik. - Stuttgart: Kröner, 1991. - 871 s.

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Гараев А. И.

Казанский государственный университет

Изменения в России рубежа XIX-XX веков затронули все сферы - от философии и искусства до общественной морали. Разумеется, подобная, часто достаточно радикальная, смена парадигм не могла не найти отражения в литературе, в том числе - и в литературе массовой.

Но так как само понятие «массовая литература» не имеет четкой дефиниции в современном литературоведении, прежде чем рассмотреть особенности массовой литературы данного периода, рассмотрим характерные свойства массовой литературы вообще.

Проблема выбора критериев, на основании которых происходит разграничение литературных рядов и определение литературного статуса произведения, до сих пор активно обсуждается и является вопросом спорным. Действительно, массовая литература - это вовсе не обязательно примитивное и безвкусное развлекательное чтение, характеризующееся низким уровнем текста, как совершенно справедливо отмечает Л. Гудков: «Массовая литература свободно оперирует со сложными приемами и литературными конструкциями, но использует их лишь для своих собственных целей и задач, крайне редко имеющих значение для музифицирующей филологии, видящей только «памятники»» [Гудков 1996: 93]. На наш взгляд, именно цели и задачи, которые ставит перед собой автор произведения, и являются основным критерием для определения принадлежности текста к массовой литературе, отграничения его от низкого уровня беллетристики и литературы графоманской. Главенствующей целью для писателя в этом случае является создание коммерчески успешного литературного произведения (следует отметить, что на успех у публики, в том числе и коммерческий, в той или иной мере рассчитывает практически каждый автор, но лишь для автора массовой литературы эта цель является главенствующей, первоочередной).

Именно эта цель определяет особенности массовой литературы, и в первую очередь - четкое следование вкусам аудитории, стремление заинтересовать ее. Стремясь обратить на свое произведение внимание публики, автор широко применяет опознавательные «метки», расставленные как в самом тексте произведения, так и в его названии и определении жанра. Читатель-покупатель должен четко представлять, что именно ему предлагает автор.

Но человеку свойственно воспринимать новое и неизвестное через сравнение с уже понятным и известным (это отмечают, в частности, Э. Райс и Дж. Траут в своей знаменитой книге «Позиционирование: борьба за узнаваемость»: «Защищаясь от колоссального объема сообщений, человеческое сознание отсеивает основную объем предлагаемой ему информации и принимает только то, что соответствует уже имеющимся знаниям и опыту. <...> По такому принципу живет большинство людей» [Райс, Траут 2004: 16]), так что не удивительно, что в рамках массовой литературы оформляется четкая система клише, которыми авторы *осознанно* пользуются. «Стереотипность техники здесь заранее принятое условие игры» [Гудков 1996: 94]. Таким образом, «неуникальность, неоригинальность замысла и исполнения, тиражируемость приемов и конструкций» [Черняк 2002: 335] являются не столько результатом плагиата или тиражирования удачных находок предшественников, сколько своего рода «кодифицированным рукопожатием», приобретаая характер скорее ритуальный.

Новизна же для произведения массовой литературы часто может оказаться опасной - потенциальный читатель рискует не опознать его как «свое» и пройти мимо, предпочтя более стандартное, но более понятное произведение. Как отмечает Т. Морозова в статье «После долгого воздержания», «если разрушение традиций литературных может способствовать (при условии, что нарушитель талантлив) и созданию новых или нарушению старых, то нарушение законов жанра неотвратимо ведет к неудаче» [Морозова 1997: 178]. Таким образом, все новые находки в произведениях массовой литературы так же остаются в рамках установленных и принятых шаблонов. «Таковы вообще природа и участь беллетристического новаторства, рождающего нечто общедоступное и чреватое повторениями» [Маркович 1991: 56] - эти слова вполне могут быть отнесены и к литературе массовой. Разумеется, подобная установка на общедоступность и понятность накладывает серьезные ограничения на формальную составляющую произведений массовой литературы. Массовая литература - это литература форм устоявшихся, стабильных и зафиксированных, характеризующихся четко выраженными и, что крайне важно, легко узнаваемыми канонами. Как отмечает Яковлева А. М. в своем исследовании «Кич и художественная культура»: «Неудачное абстракционистское полотно - не кич, равно как и неудачная симфония. Кич включает в себя обязательную потенциальную возможность отожд-

действия человека и образа, своей биографии и жизни мечтаемой. Поэтому только предметное искусство обладает способностью превращаться в кич» [Яковлева 1990: 54]. Действительно, скандальная известность некоторых модернистских произведений на рубеже XIX-XX веков - не есть опознание их как «своих» массовым сознанием (оперирующим стандартными, устоявшимися категориями и воспринимающим новое с определенным недоверием), по-настоящему популярными становились только произведения реалистические или хотя бы формально имитирующие классический реализм (например, роман Федора Сологуба «Мелкий бес»).

Подобная установка на стандартность и узнаваемость пронизывает не только формальный, но и содержательный уровень произведений массовой литературы. Герои книг подобного рода с легкостью идентифицируются даже самым неискушенным читателем как представители той или иной группы, герои каждой группы наделены характерными чертами, определяющими их к ней принадлежность. Легко узнаваемые герои попадают в легко узнаваемые ситуации, в которых ведут себя совершенно предсказуемо, так, как это прописано в непоколебимой характеристике персонажа той или иной группы. Читатель, начиная знакомство с текстом, как правило, с большой долей вероятности может спрогнозировать дальнейшее развитие событий. При этом читатель сталкивается не только с формулами, знакомыми ему по другим произведениям массовой литературы, но и с типическими ситуациями и персонажами из его каждодневной жизни. Как отмечает М. А. Черняк: «В массовой литературе, как правило, можно обнаружить очерки общественных нравов, картину жизни города. Это современный аналог фольклора, городского эпоса и мифа. Эта словесность обращена к современности, содержит самые броские, хроникальные приметы нынешнего дня. Герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами, близкими массовому читателю. Не случайно критики говорят о том, что массовая литература пополняет общий фонд художественного человековедения» [Черняк 2002: 335].

Сопоставление массовой литературы и фольклора представляется нам крайне важным. Действительно, придя на смену фольклорным жанрам (что отмечают многие исследователи массовой литературы, в частности - Н. М. Зоркая, развивая мысль Д. С. Лихачева), неизбежно вобрала в себя их характерные черты, что выразилось и в четкой формульности повествования, и в системе образов, стереотипных до архетипичности, и во включении характерных черт времени. Как фольклор являлся своего рода хранилищем коллективного народного опыта, так и массовая литература является таким же хранилищем коллективных воззрений, предрассудков и идеологии той или иной эпохи. Она оперирует исключительно оформившимися и стабильными, не подвергаемыми сомнению «вечными истинами» и однозначна в своих оценках. «Для массовой литературы конечные ценности безусловны - в этом мире никто не задается вопросом, что такое добро, свобода и т.п.» - констатирует Л. Д. Гудков [Гудков 1996: 95]. Подобная статичность и непоколебимость ценностных установок массовой литературы при нарочитой шаблонности формы и содержания неизбежно приводят к закрытости текста художественного произведения. Даже при помещении произведения в совершенно иной контекст, оно продолжает восприниматься однотипно, не активизируя в себе новые смыслы (ведь произведение массовой литературы в большинстве случаев является не творческим переосмыслением контекста, но проекцией этого контекста). Так, выдержавший множество переизданий классический образчик массовой литературы «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе» Матвея Комарова понимался читателями разных поколений и социальных групп одинаково в силу своей шаблонности - действительно, если отбросить наносную экзотику, то можно легко увидеть типичность персонажей и ситуаций, перекочевавших сюда из фольклора и легко узнаваемых читателем.

Итак, характерными чертами массовой литературы являются: установка на широкий читательский спрос и следующее из этого стремление угодить вкусам аудитории; сознательная вторичность, служащая своего рода опознавательным сигналом для потенциального читателя; строгое следование канонам, прочная связь с не подлежащей сомнению традицией, как на формальном, так и на содержательно-аксиологическом уровне; простота и общедоступность в восприятии; закрытость текста художественного произведения, замкнутость его на себе, неспособность его породить новые смыслы.

Но изменения, происходящие в общественном сознании на рубеже XIX-XX веков, не могли не затронуть и массовую литературу. В первую очередь изменения в массовой литературе начала XX века были вызваны не столько даже изменением ценностных ориентиров в обществе, сколько изменением состава потенциальной читательской аудитории. Традиционными потребителями массовой литературы в России были люди крайне невзыскательные, в основном - грамотные крестьяне, прельщенные интригующими сюжетами и возможностью перенестись из обыденного серого мира в мир красочных грез и гармонии. Просвещенной же интеллигенцией, исполненной высоких идеалов и мечтающей о спасении человечества, бульварная литература с высокомерным презрением категорически отвергалась.

Когда же стала очевидна несостоятельность и исчерпанность прежних высокопарных идеалов (в особенности - после краха революции 1905 года, когда надежды на стремительные перемены к лучшему окончательно рухнули), русская интеллигенция ощутила острую необходимость вновь обрести твердую почву под ногами, отгородиться чем-нибудь от беспощадной реальности. Ни традиционная религия, ни былые идеалы более не внушали доверия, и в своем стремлении уйти от реальности, представители интеллигенции то обращались к мистицизму, то вступали в различные философские и религиозные кружки. По-новому взглянули они и на литературу, на сей раз - не как на кладерь мудрости и учебник жизни, а как на шанс отвлечься от насущных проблем. И именно они явились основными потребителями и невольными заказчиками зарожда-

ющейей новой русской массовой литературы (потребителям прежней бульварной литературы было вполне достаточно того же «Милорда Георга» и лубочных непристойных книжек).

Таким образом, русская массовая литература рубежа XIX-XX веков - *это качественно новое, уникальное явление в русской литературе, массовая литература для просвещенной и мыслящей интеллигенции, качественно отличающаяся от своей предшественницы, рассчитанной на малообразованного и невзыскательного потребителя.*

Авторы новой массовой литературы заимствовали из прежней массовой литературы ряд характерных ее черт и приемов, а именно - потворство читательскому эскапизму, стремлению уйти от сложной и дисгармоничной жизни в иллюзорный мир гармонии, достигаемой за счет предложенных в художественном произведении простых ответов на сложные вопросы; четкое следование традициям, вплоть до использования литературных клише, введение типических, легко узнаваемых персонажей и их комбинаций; включение в произведение элементов злободневности, характерных черт современной действительности, способствующих погружению читателя в текст.

С другой стороны, они во многом следовали традициям, заложенным русской классикой, и в первую очередь - традиции учительства, стремлению указать на недуг и излечить его. По этому поводу возмущался Корней Чуковский: «в этом особенность нашей русской порнографии. Она не просто порнография, а порнография с идеей» [Чуковский 2003: 371]. (В прежней бульварной литературе необходимости в учительстве не было, так как все декларируемые авторами ценности имели характер общеизвестных прописных истин; в период же, когда общественные ценности ежеминутно подвергались сомнениям, писатели стремились показать свою точку зрения). При этом авторы часто вступали в спор с идеями русской классики, стремясь закрепить в статусе новых «властителей дум». Наиболее сильно стремление проповедовать было выражено в произведениях М. Арцыбашева и А. Каменского.

Новая массовая литература, ориентированная на образованную и начитанную публику, вбирала в себя и перерабатывала огромный культурный пласт, оставаясь в этом в рамках общей тенденции развития русской литературы рубежа XIX-XX веков вообще, ведь, как замечает В. А. Келдыш, ««серебряный век» русской литературы - один из самых новаторских и вместе с тем <...> один из самых традиционных. Ибо поистине огромен диапазон художественного опыта, который становится в это время объектом рецепции, - от античности до непосредственных предшественников» [Келдыш 1992: 3]. Новейшие научные открытия, исторические события и философские концепции - все это находило свое отражение на страницах литературных произведений, причем, в отличие от традиционной массовой литературы, в которой также могут упоминаться исторические личности, философские и научные гипотезы и достижения, но - лишь в качестве антуража, с легкостью взаимозаменяемого без ущерба для смысла, упоминаемые факты и явления становились объектом анализа и осмысления, пусть порою и весьма поверхностного. Говоря об осмыслении авторами новой массовой литературы философских и религиозных доктрин, можно провести параллели с явлением, которое В. М. Маркович именует «беллетризацией классики» - то есть сведением «ее <классики - А. Г.> смыслов и форм к уровню общеупотребительного и удобопонятного. Речь идет, в частности, о читательской способности «приладить» классическое произведение к «среднетипическим» вкусам и требованиям, о возможности вычитать из классического текста именно и только то, что этим вкусам и требованиям отвечает» [Маркович 1991: 66]. Только в качестве читателя, «прилаживающего» классику к среднетипическим вкусам, выступает автор художественного произведения, подающий своим читателям уже упрощенный вариант. К примеру, Э. Клюс в монографии «Ницше в России. Революция морального сознания» говорит о популяризаторах и вульгаризаторах идей философа в русской литературе начала XX века.

Следует так же отметить, что новая массовая литература более не отражала исключительно традиционные этические и эстетические ценности. В этом смысле утверждение Л. Гудкова о том, что «никакая пакостная литература (даже самая примитивная и разухабистая) не может стать массовой» [Гудков 1996: 94], верное для массовой литературы периода стабильных идеалов, оказывается неверным для литературы эпохи кризиса - толпа желает хлеба и зрелищ, и в угоду ей писатели выплескивают на свои страницы насилие, жестокость, порнографию и сексуальные перверсии, с радостью обращаясь к запретным ранее темам.

Первым произведением новой массовой литературы стал роман М. П. Арцыбашева «Санин» (1907), в котором поверхностно рассматриваются проблемы русского мистического нищезанятия, возникшего как синтез богоборческих идей Ницше с традиционным для русской классики богоискательством. Упрощенный подход к решению сложных и актуальных вопросов (вплоть до смысла человеческой жизни) обеспечил роману невероятную популярность у читателей и способствовал как множеству литературных подражаний, самым известным из которых стал роман А. Вербицкой «Ключи счастья», возникло целое направление, названное критикой «арцыбашевщиной», так и воплощений идей романа в жизнь (кружки так называемых «санинцев»). Однако спустя несколько лет роман уже не вызывал никакого интереса у публики. Совершенно не востребован он и современными потребителями массовой литературы, что легко объяснимо - изменился контекст, ситуации и персонажи перестали быть легко узнаваемыми, следовательно - стали неинтересны для массового читателя.

Список использованной литературы

1. Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема. Для кого? / Л. Д. Гудков // Новое литературное обозрение. - 1996. - № 22. - С. 78-100.

2. **Зоркая Н. М.** На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов / Н. М. Зоркая. - М.: Наука, 1976. – 304 с.
3. **Келдыш В. А.** Вступительные замечания / В. А. Келдыш // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX-начала XX в. - М.: Наследие, 1992. - С. 3-6.
4. **Клюс Э.** Ницше в России. Революция морального сознания / Э. Клюс. - Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. – 240 с.
5. **Маркович В. М.** К вопросу о разграничении понятий «классика» и «беллетристика» / В. М. Маркович // Классика и современность / Под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. - М.: Издательство МГУ, 1991. - С. 53-66.
6. **Морозова Т.** После долгого воздержания / Т. Морозова // Дружба народов. - 1997. - № 9. - С. 177-184.
7. **Райс Э., Траут Дж.** Позиционирование: битва за узнаваемость / Э. Райс, Дж. Траут. - СПб.: Питер, 2004. – 256 с.
8. **Черняк М. А.** Массовая литература конца XX века / М. А. Черняк // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы: Учебник для студентов высших учебных заведений / В. И. Альфонсов, В. Е. Васильев, А. А. Кобринский и др.; под. ред. С. Н. Тиминой. - СПб.: Изд-во «Logos»; М.: «Высшая школа», 2002. - С. 326-351.
9. **Чуковский К. И.** Идеиная порнография / К. И. Чуковский / Чуковский К. И. Собрание сочинений в 15 тт. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. - Т. 7. - С. 368-376.
10. **Яковлева А. М.** Кич и художественная культура / А. М. Яковлева. - М.: Знание, 1990. – 64 с.

МЕСТО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА НЕСПЕЦИАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Глухова Ю. Н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Одним из основных требований, предъявляемых высшей школе современным обществом информационных технологий, является оптимизация процесса обучения иностранным языкам, нахождения и использования возможностей повышения эффективности овладения иноязычной речевой деятельностью. Таким образом, преподаватель иностранного языка, с одной стороны, должен обеспечить удовлетворение массовой потребности в высококачественном языковом образовании, решить проблему нехватки высококвалифицированных кадров в условиях компьютерной среды, с другой стороны, воспитать квалифицированного специалиста, способного самостоятельно приобретать знания, работать творчески, т.е. целенаправленно формировать у студентов самообразовательную компетенцию.

Следует отметить, что развитие самообразовательной компетенции частично обусловлено небольшим объемом времени, отводимом на изучение иностранного языка на неязыковых факультетах. Поэтому способность пополнять знания и доучиваться в процессе самостоятельной поисковой и творческой деятельности является важным условием непрерывного самообразования специалиста с целью совершенствования своей профессиональной деятельности [Аитов 2007:17].

Однако необходимо обратить внимание не только на недостаточный объем учебного времени, отводимого программой по иностранному языку, но и на неразработанность в теоретическом и практическом плане технологий самостоятельной и индивидуальной работы, направленной на самообразование и «самодоучивание» по иностранному языку. Значимость лингвистической подготовки в процессе формирования личности будущего специалиста обуславливает необходимость такого построения учебного процесса по иностранному языку, чтобы он носил непрерывный характер.

Таким образом, задача преподавателя не только дать студенту знания, но и выработать у него стремление к постоянному их совершенствованию и пополнению, вооружить его методологией и методикой самостоятельного добывания новой информации. Несомненно, усвоение готовых сведений, предлагаемых преподавателем в организованном им процессе обучения, является объективно необходимой и важной формой учебного труда. Однако без организации самостоятельной работы формирующая сущность учения оказывается ограниченной. Привычка работать только под руководством преподавателя, кроме того, в ряде случаев, порождает малоактивный стиль учебной деятельности, созерцательное отношение к содержанию обучения.

Научно-техническая революция значительно повлияла на учебный процесс, который заметно усложнился. Как следствие, возрос объем информации, ускорился процесс ее обновления, обновились арсенал технических средств обучения. Все это внесло свои коррективы в трактовку общей концепции обучения, его целей и задач, содержания, методов и средств. Отличительной чертой современного подхода к обучению является то, что обучение рассматривается как процесс формирования познавательной деятельности, подготовки к самостоятельному поиску и извлечению информации, сознательному творческому ее использованию, как процесс формирования учебных и профессиональных умений и навыков. Это не могло не сказаться на деятельности преподавателя, главной задачей которого на современном этапе является не просто «передача знаний», а «управление процессом формирования познавательной деятельности». Другими словами, основная функция преподавателя перемещается в организационно-консультативную плоскость.

Известно, что при создании оптимального варианта обучения, согласно концепции Ю. К. Бабанского, необходимо учитывать и основные принципы психологии обучения, а именно:

- обучение должно ориентироваться на «зону ближайшего развития», организовываться с учетом индивидуальных особенностей учащихся «на основе проектирования новых видов деятельности, новых уровней развития обучающихся»;